ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Д.А. ПАНОВ
(Мурманск)

«ЗУЙКИ» МУРМАНСКИХ РЫБНЫХ ПРОМЫСЛОВ (1860–1930-е гг.)

Приведены архивные материалы по одной из малоизученных тем отечественной истории – истории рыбопромысловых объединений мурманских рыбных промыслов в период колонизации Мурмана в 1860–1930-х гг. Проведен анализ одной из производственных категорий промысловых объединений в исторической динамике, социальный, экономический анализ категории «зуек». Представлены данные дореволюционных социологических исследований. Показано, что категория «зуек» является не возрастной, а профессиональной.

Ключевые слова: *артель, Мурман, зуй или зуек, Поморье, паевые и единоличные промысловые объединения, Муробластьрыба.*

Еще в XIV–XV вв. русские поморы освоили плавание вдоль северных берегов Кольского полуострова [11, с. 26–28]. В первой половине XVI в. здесь возникли рыбные промыслы, которые велись с помощью особых снастей-ярусов, выбрасываемых в море с лодок в 3–5 верстах от берега. Организация промыслов носила частный характер.

Самый благоприятный период для промысла – это весеннее время, т. к. именно в этот период, как известно, треска большими массами подходит к западным берегам Мурмана. Поэтому богатые поморы и монастыри, не дожидаясь начала навигации на Белом море, стали посылать своих работников на Мурман. Они снаряжали их еще в конце зимы и отправляли к местам лова пешком с таким расчетом, чтобы они прибыли в становища до подхода рыбы.

Важнейшей особенностью промысловых объединений участников мурманских промыслов было то, что в основе их социальных отношений лежала необычайно развитая артельная организация [1, с. 148]. Это было связано, в первую очередь, с отдаленностью побережья Баренцева моря от постоянных мест проживания, сложными природными условиями региона и, как следствие, с трудоемкостью промысла и необходимостью достаточно больших материальных вложений со стороны участников. Объединения промышленников носили в разные периоды различные названия: *ватага, складчина, дружина, артель*. Из всех указанных названий промысловых объединений для нас наибольший интерес представляет «артель», т. к. именно этот термин получил наибольшее распространение в историографии XIX–XX вв. о мурманских промыслах (в том числе и об их социальной организации). Под «артелью» в отношении мурманских промыслов XIX – первой трети XX в. мы понимаем объединение лично свободных людей для промыслов, в которых итоговым продуктом (улов или деньги, вырученные за его продажу, за минусом издержек) распоряжались, исходя из типа и формы артели.

Как и в любом производственном объединении, в артели мурманских рыбных промыслов были свои профессиональные категории, т. е. каждый работник выполнял определенные трудовые обязанности. Эти обязанности не были строго регламентированными, представитель одной категории мог частично или полностью выполнять обязанности представителя другой категории, т. е. они не были статичными производственными категориями. Эти категории являлись, на наш взгляд, своеобразными производственными этапами, которые участники, в данном случае в основном поморы, проходили по мере накопления промыслового опыта.

Производственными категориями мурманских рыбных промыслов являлись кормщик, тяглец, весельщик, наживочник, зуй или зуек. Кормщик считался главой артели – представителем хозяйских интересов на промысле. Помимо общего присмотра за ходом промысла и управления судном, он во время промысла указывал место, где выставлять ярус. Кормщик также играл важную роль при подъеме яруса, требовавшем большого искусства и сноровки. При разделке выловленной рыбы кормщик должен был «пластать» ее (т. е. разрезать вдоль хребта) и очищать от внутрен-

© Панов Д.А., 2016

ностей. Тяглец получил свое название вследствие того, что тянул ярус; наживочник – наживлял наживку; весельщик – от обязанности грести.

Архивные данные по зуйкам достаточно фрагментарны и в массе своей прослеживаются начиная с 1860-х гг., т. е. с начала официальной колонизации Мурмана, когда пристальное внимание к нему стали проявлять чиновники, ученые, общественные деятели различного уровня. Не отличаются большой информативностью и опубликованные источники, за исключением трудов статистического отряда, работавшего на Мурмане в конце XIX в. под эгидой Комитета для помощи поморам Русского Севера. В целом не приходится говорить и об историографии данного вопроса. В отношении зуйков в литературе укрепилось мнение, что это были мальчики 10–14 лет, помогавшие артельщикам на промысле (чистка рыбы, уборка, мелкий ремонт снастей и инвентаря). Встречается также такое определение зуйков: «Оставшееся на костях мясо мальчики, находящиеся на промысле, обрезывают и продают в свою пользу. Их называют зуйками, по имени небольших птичек, которые брошенные на берегу рыбьи кости оклевывают» [2, л. 14] .

На наш взгляд, более убедительным представляется мнение, что зуйки – это не столько возрастная, сколько профессиональная категория. Зуйками были мальчики, начиная с 6 лет (нижняя возрастная граница), а иногда и взрослые, которые в силу возраста или иных обстоятельств не могли исполнять ни одну из иных обязанностей в артели. В частности, могла сложиться ситуация, когда из-за отсутствия достаточного количества промысловой посуды рыбаки, которые по своим возрастным и физическим качествам могли бы полноценно исполнять функции ловцов, вынуждены были работать зуйками [6, л. 32 об.]. Зуйки выполняли на промысле несколько функций сразу, они могли, если позволяли возраст и здоровье, выполнять функции любого ловца, за исключением кормщика, готовить пищу, осуществлять уход за промысловыми орудиями и уборку промысловых помещений и т. д.

Жители Поморья достаточно рано начинали свою трудовую деятельность. Иногда они с 6-летнего возраста участвовали в мурманских промыслах [9, с. 35; 7, л. 5 об.], выполняли простейшие и наиболее легкие работы. Но такое применение труда малолетних зуйков встречалось достаточно редко. Так, в частности, в 1899 г., исходя из данных статистических исследований, проведенных на Мурмане [9, с. 35], из 222 зуев, в отношении которых имелись достоверные сведения, дети 6 лет составили 1,6%, 7–9 лет – 20,3%, 10–12 лет – 43,8%, 13–14 лет – 19%, 15–17 лет – 4%. Среднестатистический возраст малолетнего работника, по тем же данным, колебался от 10,1 до 12,3 лет. Данное колебание зависело от географического (место жительства работника) и экономического (формы промыслового предприятия) факторов.

Таблица 1

Зависимость возраста зуйков от географическо-экономических условий

Место и форма промысла	Средний возраст зуя, лет
Онежский уезд:	
единоличные	12,3
паевые	11,2
Приморские волости Кемского уезда:	
единоличные	10,7
паевые	10,4
Внутренние волости Кемского уезда	11,4
Другие уезды Архангельской губернии и прочие губернии России	12,1

Как видно из табл. 1 [Там же], наибольший возраст зуйков приходился на Онежский уезд и на единоличные предприятия, а наименьший, соответственно, – на приморские волости Кемского уезда и паевые предприятия. Начав свою карьеру зуем, помор постепенно проходил все ступени промысловой иерархии вплоть до кормщика и в старости, не имея физических возможностей исполнять в артели основные производственные обязанности, нередко вновь возвращался к роли зуя: старики 55 лет и старше составляли 1,2% зуев [Там же, с. 36]. Иногда зуй мог исполнять обязанности и других членов артели [Там же, с. 37; 3, л. 17–25 об.] или вообще не имел определенной функции.

Все зуи работали сдельно. Строго определенная заработная плата хотя и встречалась, но крайне редко. Когда позволяла промысловая обстановка, зуи могли подрабатывать и вне своей артели. Платили зуйкам или рыбой, или деньгами, причем тут действовало правило: если цена на рыбу повышалась, то с зуйками охотнее расплачивались деньгами, и наоборот. Заработная плата зуя за сезон могла ва-

рьироваться исходя из возраста – чем старше зуек, тем выше был его доход [9, с. 38].

Таблица 2

Влияние возраста зуйка на величину его заработной платы

Возраст, лет	Заработок, руб.
7–9	4
10	8,4
11	13,5
12	13,5
13	14,8
14 и выше	15,3

Продовольствием зуй пользовался вместе с артелью, причем хозяин или вычитал стоимость содержания (от 5 до 12 руб. в навигацию) из его заработка, или зуй получал пищу за помощь при наживлении яруса. Но нередки были и такие случаи, когда зуй получал пищу от артели, а хлеб выпрашивал в становище. Заборы (своеобразный кредит) у зуев встречались лишь в виде редкого исключения. Как представляется, определенные региональные особенности, касающиеся зуйков (возраст, уровень вознаграждения и т. д.), разнились, но не существенно.

В частности, зуйки, видимо, могли разделяться на две категории: зуйки береговые и судовые (юнги), данная градация была связана с возрастом. В частности, это было характерно для с. Нюхча [10, с. 60]. На береговых зуйков ложились обязанности по насаживанию наживки на крючки, разборке поводков, сворачиванию хребтины яруса в тюки и закреплению в них крючков с помощью веревочных петель (чтобы не цеплялись друг за дружку), они же готовили утренний чай рыбакам. Мальчиков-сирот в береговые зуйки брали с семи лет, мальчиков из полных семей – с девяти. Юнгами (судовыми зуйками) мальчики работали уже с 10–12 лет [Там же].

В советский период промыслы были национализированы*, и, как следствие, государственное участие и внимание к ним резко возросли. Не обошло стороной государство и такую категорию промысловиков, как зуйки.

В означенный период зуйки – это, как правило, 7–9-летние мальчики или подростки [8, с. 13; 7, л. 5], приезжающие на промысел с отцами, другими родственниками или же с односельчанами по найму за определенную сезонную плату. Проезд к месту промысла и обратно осуществлялся за счет хозяина. Если зуйки работали по найму, то часто это были сироты.

Зуйки в советский период – это не однородная масса, было значительное различие между местными и пришлыми зуями. Местный – это, как правило, член семьи, рабочий в своем хозяйстве, находящийся у себя дома, среди своих родных; пришлый зуек – часто попросту малолетний рабочий, сирота или сын бедных родителей, привезенный «добрым человеком» из Поморья или Карелии, выполняющий тяжелую работу по наживлению и отвивке ярусов и приготовлению пищи для артели. Зачастую среди них попадались дети младше 10 лет. Иногда встречались зуйки 11-летнего возраста со стажем работы на Мурмане 5 лет [7, л. 5]. Если зуек был сиротой, то зачастую он работал без всякого вознаграждения, т. е. только за питание и путевые расходы.

Внимание государства к этой категории выражалось в следующем: государство старалось, чтобы как можно большое количество зуйков было охвачено трудовыми договорами; вводилось обязательство регистрации найма зуйков, а также осуществлялась работа по выявлению нанимателей, которые не регистрировали наём зуйков; велась политика по ликвидации неграмотности среди зуйков посредством организации работы изб-читален и красных уголков в течение всего промыслового сезона, пунктов ликбеза, установки размеров жалованья и премии.

Но при всем вышеозначенном внимании зуйки оставались второстепенной производственной категорией. Работодателем у них являлось не государство в лице соответствующих организаций («Муррайрыба» или «Муробластьрыба» и т. д.), а непосредственно рыбак [4, л. 188 об.].

В 1921 г. произошло своеобразное юридическое определение категории зуйков – «Муробластьрыба» издает «Положение о вспомогательных работниках на промыслах» [5, л. 143–143 об.]. Параграфы данного положения не говорят конкретно о зуйках, в тексте используется термин «вспомогательные по промыслу работники» [Там же]. Данный термин, на наш взгляд, полностью соответствует термину «зуй» по смысловой нагрузке. Согласно «Положению…», вспомогательными по промыслу работниками могли быть лица обоего пола, как по возрасту, так и по семейному положению могущие отдавать промыслу не менее четырех часов нормированного труда в сутки; их

* Имеются в виду именно северные промыслы.

обязанностями являлись: помощь в ловле наживки, отвивка, просушка и ремонт сетей, насадка наживки на крючки, легкие работы по обработке продуктов промысла и прочие вспомогательные работы; размер зарплаты, премиального вознаграждения, питание зависели от объемов работ и возраста работника; определялся период занятости работников – с 1 июня по 1 октября (начало лета – начало осени), практически совпадающий с периодом занятости зуйков до революции – с середины весны по середину осени; вспомогательные по промыслу работники снабжались спецодеждой на общих основаниях, но в пределах ее наличия. И самое главное, в п. 1 «Положения…» говорилось: «В целях возможно широкого использования всего трудоспособного рабочего населения … путем **освобождения его (рыбака) от необходимости выполнять подсобные промысловые работы** … в каждом промпункте организуется группа вспомогательных по промыслу работников» [5, л. 143–143 об.], что полностью совпадало с функциональным предназначением зуйков.

В дальнейшем, по мере развития промыслов, термин «зуйки» в опубликованных и неопубликованных источниках не встречается. Видимо, его заменили другие профессиональные категории (*матрос, мастер рыбообработки, кок* и т. д.), которые и выполняли все их функции.

Список литературы

1. Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.

2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф.6. Оп.17. Д.13. Исторический обзор о Российской Лапландии, называемой Мурманским берегом и о производимом при оном рыбном промысле.

3. ГААО. Ф.51. Оп.8. Т.3. Д.197. Сведения о колонистах и фактористах становища Золотое.

4. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф.Р.69. Оп.1. Д.2. Постановления и инструкции Главрыбы и Областьрыбы о вывозе рыбы для нужд рыбаков. Списки и ведомости на получение предметов первой необходимости для работников Областьрыбы.

5. ГАМО. Ф.Р. 69. Оп.1. Д.132. Устав Умбской трудовой артели, списки членов Умбского коллективного хозяйства.

6. ГАМО. Ф.Р. 132. Оп.1. Д.34. Материалы о работе акционерного общества «Экспортхлеб», мурманской конторы Севзапсоюза «Желрыбы», колонизационного отдела МЖД (протоколы, доклады, переписка и т. д). (Отчет об экономическом состоянии Териберской волости; доклад по истории заселения Мурмана).

7. ГАМО. Ф.Р. 536. Оп.1. Д.112. Записки о кустарном тресковом промысле.

8. Природа и люди Севера. Сб. 1. Изд. Архангельского Общества Краеведения. Архангельск, 1927.

9. Статистическое исследование Мурмана. Т. I. Вып. I. Тресковый промысел. Спб. 1902. Гл. IX.

10. Уведи меня, дорога: сб. ст. памяти Т.А. Бернштам / под ред. Н.Е. Мазаловой, И.Ю. Винокуровой, В.А. Лапина, О.М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010.

11. Шаскольский И.П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествия и географические открытия в XV–XIX веках). М.–Л., 1965.

* * *

1. Bernshtam T.A. Pomory: formirovanie gruppy i sistema hozjajstva. L.: Nauka, 1978.

2. Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (GAAO). F.6. Op.17. D.13. Istoricheskij obzor o Rossijskoj Laplandii, nazyvaemoj Murmanskim beregom i o proizvodimom pri onom rybnom promysle.

3. GAAO. F.51. Op.8. T.3. D.197. Svedenija o kolonistah i faktoristah stanovishha Zolotoe.

4. Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoj oblasti (GAMO). F.R.69. Op.1. D.2. Postanovlenija i instrukcii Glavryby i Oblast'ryby o vyvoze ryby dlja nuzhd rybakov. Spiski i vedomosti na poluchenie predmetov pervoj neobhodimosti dlja rabotnikov Oblast'ryby.

5. GAMO. F.R. 69. Op.1. D.132. Ustav Umbskoj trudovoj arteli, spiski chlenov Umbskogo kollektivnogo hozjajstva.

6. GAMO. F.R. 132. Op.1. D.34. Materialy o rabote akcionernogo obshhestva «Jeksporthleb», murmanskoj kontory Sevzapsojuza «Zhelryby», kolonizacionnogo otdela MZhD (protokoly, doklady, perepiska i t. d). (Otchet ob jekonomicheskom sostojanii Teriberskoj volosti; doklad po istorii zaselenija Murmana).

7. GAMO. F.R. 536. Op.1. D.112. Zapiski o kustarnom treskovom promysle.

8. Priroda i ljudi Severa. Sb. 1. Izd. Arhangel'skogo Obshhestva Kraevedenija. Arhangel'sk, 1927.

9. Statisticheskoe issledovanie Murmana. T. I. Vyp. I. Treskovyj promysel. Spb. 1902. Gl. IX.

10. Uvedi menja, doroga: sb. st. pamjati T.A. Bernshtam / pod red. N.E. Mazalovoj, I.Ju. Vinokurovoj, V.A. Lapina, O.M. Fishman. SPb.: MAJe RAN, 2010.

11. Shaskol'skij I.P. Ob odnom plavanii drevnerusskih morehodov vokrug Skandinavii (Puteshestvija i geograficheskie otkrytija v XV–XIX vekah). M.–L., 1965.

"Auxiliary workers" of Murmansk fisheries (1860-1930s)

The article deals with the archival materials regarding one of the subjects of the domestic history that has not been thoroughly studied – the history of fishery unions of Murmansk fisheries in the period of Murman colonization in the 1860-1930s. The author carries out the analysis of one of the production categories in its historic dynamics. The social, economic analysis of the category of "auxiliary workers" is carried out. The results of the prerevolutionary sociologic research are given. It is proved that the category of "auxiliary workers" is not an age category, but a professional one.

Key words: *Artel, Murman, "auxiliary worker", Pomorye,one's and individual trade unions, Muroblastryba.*

(Статья поступила в редакцию 15.03.2016)

Н.О. ЛЕНИВИХИНА
(Волгоград)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (на материалах Нижневолжского региона 20-х гг. XX в.)

Рассматривается история Международного женского дня (Международного Дня работниц) в Советской России на протяжении 20-х гг. XX в. Анализируются формы и методы внедрения «новых» праздников для пропаганды социальных преобразований и вовлечения женщин в «социалистическое строительство».

Ключевые слова: *Международный День работниц, женское движение, делегатки, Нижнее Поволжье.*

Женское движение в России имеет достаточно длительную историю. В XVIII в. по повелению Петра I женщины покинули замкнутые пределы семьи, получили возможность свободного светского общения. В течение XVIII–XIX вв. происходит становление «женщины нового типа», участницы и активистки общественной жизни. Женщины разных слоев общества занимаются наукой, литературой, политикой, своей деятельностью способствуют возникновению женского самосознания. Непосредственно начало женского движения в России принято относить к 1859–1904 гг., когда женщины начинают борьбу за получение высшего образования и за возможность профессионального трудоустройства. Зачинательницами движения становятся дворянки (М.В. Трубникова, А.П. Философова, Н.В. Стасова и др.), они создают трудовые ассоциации, магазины женских рукоделий, кружки женского образования, обращаются с петициями о допуске женщин к университетскому образованию. Постепенно их усилия начинают приносить плоды: в Москве и Петербурге появляются так называемые «женские курсы». Женщины, желающие получить образование, обучались также в европейских университетах, откуда в Россию проникали идеи западного феминизма.

Следует принимать во внимание особенности положения русских женщин по сравнению с европейскими. После реформы 1861 г. имущественное положение россиянок было достаточно прочным. Женщины обладали правами собственности, занимались предпринимательством, благотворительностью, основывали женские кооперативы, имели возможность самостоятельно распоряжаться своим имуществом. Главная проблема состояла в условиях семейно-брачных отношений. Основные дискуссии были связаны с правом на развод и раздельное проживание жен с «нелюбимыми» мужьями. Типологической чертой русской общественной и частной жизни в XIX в. было ее «олитературивание», что справедливо и в отношении феминизма. Например, роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» дал образец решения личных и семейных проблем, а также способствовал развертыванию сети женских трудовых ассоциаций и «коммун». Идея самостоятельного женского труда призвана была повысить женскую самооценку, вызвать чувство самодостаточности [1].

В 1905 г. возникло движение российских женщин за политические права. Создается «Союз равноправия женщин» (СРЖ). Главными требованиями были: немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, тайного, прямого избирательного права без различия пола, веры, национальности; уравнение женщин всех социальных слоев с мужчи-

© Ленивихина Н.О., 2016